

бинному пониманию его природы и ментальной сущности.

Литература

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. / АПН СССР. – М.: Педагогика, 1989. – 485 с.
2. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 151 с.
3. Узнадзе Д.Н. Теория установки. – М.; Воронеж, 1997. – 210 с.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. – Т.1. Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.
5. Ortega-y-Gasset J. Man and Crisis. – N.V.; 1958. – P.76.
6. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуализации: пер. с англ. – М.: Наука, 1996. – 269 с.
7. Абульханова – Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Наука, 1991. – 300 с.
8. Сысоева Л.С. Антропологический образ культуры и его поиски на рубеже тысячелетий // Вестник ТГПУ. Спец. выпуск. Гуманитарные науки. – 2000. – № 3. – 82 с.
9. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // СОЦИС. – 1995. – №4. – С.3-14.
10. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. – М.: Аспект Пресс, 1994. – 316 с.
11. Иванкина Л.С. Образование в современном мире. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – 119 с.
12. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Наука, 1992. – Т. 1-2. – 528 с.
13. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 1999. – 784 с.
14. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1991. – 206 с.

Сведения об авторе

Антропьянская Лилия Николаевна - кандидат психологических наук доцент Института международных отношений и языковой коммуникации (ИМОЯК) кафедры немецкого языка Томского политехнического университета, г. Томск, e-mail antropianskaya@mail.ru.

Data on author

Antropianskaya Liliya Nikolaevna - candidate of psychological sciences, associate professor, of Institute of International Education and Communication, German Language Department, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, e-mail antropianskaya@mail.ru

УДК 16
ББК 87.25

15. Ключко В.Е. Самоорганизация в психических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 174 с.

Literature

1. Rubinshteyn S.L. Bases of general philosophy. – M.: Pedagogika, 1989. – 485 p.
2. Asmolov A.G. Activity and tendency. – M., 1979. – 151 p.
3. Uznadze D.N. Theory determination. – M., 1997. – 210 p.
4. Vygotskiy L.S. Question of theory and history of psychology // Coll. works / ed. by A.R. Luriya, M.G. Yaroshevskiy. – M.: Pedagogika. 1982. – T.1 – 488 s.
5. Ortega-y-Gasset J. Man and Crisis. – N.V.; 1958. – P.76.
6. Yung K.G. Structure of psychicism and the process of individualization / translated from English. – M.: Nauka, 1996. – 269 p.
7. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Strategy of life. – M.: Nauka, 1991. – 300 p.
8. Syssoeva L.S. Antropological image of culture and its search at the boundary line of centuries // Vestnik TGPU. Gumanitarnye nauki. – 2000. – №3. – 82 p.
9. Ionin L.G. Identification and dramatisation (to the theory-socio-cultural changes // SOCIS. – 1995. – №4. – P.3-14.
10. Zdravomyslov A.G. Sociology of conflict: Russian on the way of overcoming crisis. – M.: Aspekt Press, 1994. – 316 p.
11. Ivankina L.S. Education in the modern world. – Tomsk, 2004. – 119 p.
12. Popper K. Open society and its enemies. – M.: Nauka, 1992. – Vol. 1-2. – 528 p.
13. Toffler E. The Third wave. – M.: AST, 1999. – 784 p.
14. Habermas Y. Concept of individuality // About human in a person / ed. by I.I. Frolova. – M.: Politizdat, 1991. – 206 p.
15. Klochko V.E. Self-organisation in psychic system: problems of becoming mental space of a person (introduction in transpective analysis). – Tomsk. 2005. – 174 p.

И.Б. Ардашкин

ИНТЕГРАЦИЯ И ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Рассматривается понятие интеграции и природы интегративных процессов в научном познании. Констатируется особенность интегративных процессов в современном научном познании, выраженная через их социокультурный генезис. Решение сложных и глобальных проблем выступает одной из основных причин усиления интегративных процессов в современной науке.

Ключевые слова: интеграция, дифференциация, научное познание, проблемно-ориентированные исследования, проблема.

I.B. Ardashkin

INTEGRATION AND INTEGRATION PROCESSES IN SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND PECULIARITIES OF THEIR INTERPRETATION IN MODERN PHILOSOPHY OF A SCIENCE

The concept integration and a nature integration processes in scientific knowledge is considered. Peculiarities of integrative feature integration processes in the modern scientific knowledge, expressed through their sociocultural genesis is stated.

Задача статьи – уточнить различные подходы к пониманию интеграции и интегративных процессов в философии науки, причины активизации интегративных процессов в современном научном познании. Иными словами, ответить на вопрос: в чем сегодня заключается суть интеграции и интегративных процессов? Чем обусловлена их активизация в современном научном познании?

Для начала следует отметить, однозначной трактовки понятия «интеграция», его сущности и цели. В одном случае интеграцию рассматривают как важнейшую черту научного знания, целью которой является построение единой науки. При этом речь не идет об утрате дисциплинарной структуры науки, она сохраняется. Но главное в этой позиции то, что наука в конечном итоге должна стать единой дисциплиной. Например, В.С. Лутай, характеризуя интеграцию и интегративные процессы в научном познании, отмечает: «Интеграция является важнейшим средством достижения единства знания во всех формах и типах его выражения: содержательном, структурном, логико-гносеологическом, научно-организационном, лингвистико-семиотическом, обще- и частнометодологическом» [1, 8]. Другой автор, М.Г. Чепиков, конкретизирует цель интеграции научного знания в контексте вышеприведенной ее трактовки. Он подчеркивает, что «в понятийном аппарате единой науки главенствующую роль должны играть общенаучные понятия» [2, 235], что «познавательная глубина понятийного аппарата единой науки позволит глубже проникнуть в сущность явлений и процессов материального мира» [2, 259].

В другом случае интеграция рассматривается через призму ее отношений с обратным процессом – дифференциацией знания, где приоритет отдается процессу дифференциации как ведущему процессу развития научного знания, четче всего выражающему природу научного знания. Интеграция с позиции подобного подхода рассматривается как искусственный, привносимый извне для научного знания процесс. Поэтому интеграция встречается в научном знании и познании эпизодически, серьезно не влияя на особенности функционирования научного знания. Эту позицию последовательно представляет А.Л. Никифоров. Он пишет: «Дифференциация наук представляет собой универсальную тенденцию или даже закономерность развития научного познания. Интеграционные же процессы носят локальный и временный характер. Попытки интеграции синтеза, редукции если и приводят к успеху, то лишь в отдельных научных областях и на короткое время. Последующее развитие приносит с собой новую, более глубокую и тонкую дифференциацию. Дифференциация вы-

ражает движение науки, поэтому она универсальна и абсолютна как само движение; интеграция, синтез – это временная остановка, приведение в порядок и обзор интеллектуальных сил, наступавших по разным направлениям» [3, 275].

В третьем случае речь идет о равноправии процессов интеграции и дифференциации в научном познании. Имеется в виду, что эти два процесса представлены одновременно в науке, что они взаимодействуют, дополняя друг друга. Между ними нет конкуренции в том смысле, что один процесс преобладает над другим, лучше проявляя сущность научного знания. Эту позицию представляет Н.Т. Абрамова, полагая, что единство науки и ее многообразие – это взаимодополняющие начала. «Монизм и полиморфизм (многообразие) сосуществуют в современном сознании и каждый из них представляет собой дополнительное явление для понимания и развития научного знания как единого целого» [4, 86].

Как видно, интеграция, понимаемая как достижение единства научного знания, рассматривается то как важнейший процесс развития научного знания, то как временный и нехарактерный для науки процесс развития знания, то как один из процессов развития научного знания, сосуществующий одновременно с процессом дифференциации знания. Вот и возникает вопрос, интеграция, интегративные процессы связаны каким-то образом с развитием науки и научного знания или нет? Это вопрос не праздный, поскольку при ответе на него отрицательно можно констатировать, что процессы интеграции никак не влияют на научное знание и его развитие. Не случайно А.Л. Никифоров полагает, что такой цели развития науки, как достижение единства научным знанием, нет, подобная цель изменила бы сущность научного знания. «Все рассуждения о преодолении дифференциации научного знания есть, по существу, рассуждения об устранении науки как особой исторической формы человеческого познания и о замене ее другой формой» [3, 273].

По А.Л. Никифорову, интеграция не является процессом достижения научным знанием своего единства, специфика научного знания заключается в его дифференциации. Косвенно эту мысль можно обнаружить и в позиции Н.Т. Абрамовой, поскольку наличие в системе научного знания двух процессов (интеграции и дифференциации) свидетельствует о невозможности достижения его единства, поскольку интеграция должна способствовать такому единству научного знания, а дифференциация противодействовать.

В любом случае остается вопрос, как связаны между собой интегративные процессы и научное знание, какую роль играет интеграция в системе

научного знания? Этот вопрос и заставляет обратиться к интеграции как понятию, к тем смыслам, которые в нем заключены.

Понятие «интеграция» (лат. *integratio* – восстановление, восполнение, от *integer* – целый) – «сторона процесса развития, связанная с объединением в целое разнородных частей и элементов» [5, 210]. Как видно из определения понятия «интеграция», одно из определяющих значений в нем играет понятие «целое», поскольку оно выражает собой то состояние знания (и не только), которое в результате следует достичь. Целое (целостность) «выражает интегрированность, самодостаточность, автономность объектов, их противопоставленность окружению, связанную с их внутренней активностью» [5, 763]. Целое (целостность) обуславливается целью, т.е. обретением такого результата, в котором и выражается достижение его окончательного вида. И хотя в соотношении понятий «целое» и «интеграция» остается многое неясным (например, взаимообусловленность их определений, когда одно понятие «интеграция» определяется через «достижение целого», а «целое» как «интегрированность объектов»), можно констатировать, что понимание интеграции будет зависеть от представлений о том, что в данный момент является целым (целостным), как оно интерпретируется. Как пишет В.П. Верякина, «этимология латинского термина "интеграция" означает восстановление, восполнение, целое. Это понятие означает состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций систем в единое целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию. Такая связанность не может быть достигнута суммированием сведений, комплексом знаний о человеке, так как это множество само по себе не имеет смысловой основы» [6, 291].

Процесс интеграции обусловлен поиском целого, которое может совершенно по-разному быть интерпретировано. Отсюда и те сложные моменты трактовки интеграции, интегративных процессов для научного знания. Ведь понимание интеграции в смысле процесса, ведущего к конечной цели развития научного знания – достижению им единства, и в смысле процесса, имеющего случайное отношение к науке, незначительно влияющего на развитие научного знания, предполагает не столько разность понимания сути этого термина, сколько разность оценок вероятности реализации цели интеграции в научном познании. М.Г. Чепиков полагает, что возможно создание в перспективе единой науки, А.Л. Никифоров считает это невозможным, либо оговаривается, что если нечто подобное произойдет, то это будет уже не наука. «Если же различные ныне науки когда-нибудь сольются в одну науку, с одним языком и одной теорией, то это уже не будет тем, что мы сегодня называем наукой» [3, 273].

Крайность обозначенных позиций приводит к таким категорическим оценкам: либо интеграция –

один из ведущих процессов развития научного знания, либо интеграция – процесс, сущностно с развитием научного знания не связанный. Позиция автора работы не приемлет ни одну из этих позиций в их крайнем выражении. В одном случае мне близка позиция Н.Т. Абрамовой, согласно которой интеграция – процесс, характерный для научного знания, но существующий в неразрывном единстве с процессом дифференциации. Здесь можно исходить из очевидности такой мысли: если нет различий, то что тогда необходимо соединять. В другом случае автор согласен с А.Л. Никифоровым в том, что интеграция чаще всего обуславливается вненаучными факторами. Хотя нельзя с этим в полной мере соглашаться, так как и внутри науки могут возникать интегративные процессы. Следует только уточнить, что целью таких интегративных внутринаучных процессов не будет достижение единства научного знания. Скорее речь идет о том, что подобные процессы демонстрируют связь научных дисциплин между собой. Например, такая связь может проявляться посредством использования общенаучных методов в разных дисциплинах либо применением метода одной науки в другой.

Просто важно подчеркнуть, что цель и сущность интеграции будут зависеть от того, чем вызван этот процесс, какими факторами. Поэтому в зависимости от факторов интеграция может вести к достижению единства научного знания, а может выражать лишь момент остановки в развитии научного знания, его «передышку». Именно по этой причине автор обратился к анализу определения понятия «интеграция», который показал, что интеграция – процесс восполнения, восстановления, стремления к целостности. Однако целостность (целое) может быть различной. В одном случае речь идет о целостности научного знания, в другом случае – о целостности различных типов знаний (научного, религиозного, философского), в третьем случае – о целостности культур.

Целостность определяется чем-то таким, что находится за пределами системы, в рамках которой формируется интегративный процесс. Поэтому говорить об интегративном процессе как об одном процессе будет не правильно. Интегративный процесс характеризуется многоуровневостью, также как и восстанавливаемая в результате этого процесса целостность. При этом достигаемая целостность будет выражать единство системы и его оснований. Но именно единство, а не единственность. Только в таком случае интеграция способна одновременно сосуществовать с дифференциацией, а не вытеснять этот процесс.

Развитие современного научного знания и познания предполагает равноправное участие в нем процессов интеграции и дифференциации. Подобное равноправие позволяет связать развитие науки с общественными, культурными, индивидуальными, государственными и т.д. интересами. Более

того следует сказать, что современный этап развития науки демонстрирует необходимость связи науки с потребностями человека и общества, с такими потребностями, которые отчасти не связаны с внутренними потребностями функционирования науки (ориентация на объективную истину, ценностный нейтралитет и т.д.). Без этого наука предстает как автономная, самодостаточная, самоуправляемая система производства знания, чье функционирование угрожает жизнедеятельности человека и общества. Экологический кризис, угроза ядерной войны, функционирование техносферы и т.д. – все это выражение факторов риска, которые ориентируют человека и общество на необходимость соотнесения внутренних алгоритмов развития научного знания и внешних для науки потребностей человека и общества.

В этом отношении особенность понимания интеграции, интегративных процессов обусловлена, в первую очередь, восстановлением целостности развития системы научного знания и систем индивидуального и общественного развития. Такая специфика интегративных процессов не предполагает свертывания процессов дифференциации научного знания (в смысле, предлагаемом А.Л. Никифоровым), а ориентирует на то, что в рамках системы научного знания невозможно учесть потребности человека и общества. Поэтому и требуется соотнесение многообразия научного знания различных дисциплин с многообразием проявлений человека и общества, выявления единства этих начал. Правильнее сказать: не выявления, а ориентации на связь и взаимообусловленность этих систем, обозначение их единства.

Другой вопрос: как это сделать, как соотнести систему научного знания с системами человеческого и общественного начал? Очевидно, что единство этих начал отрицать нельзя, но это единство осознается скорее интуитивно, рассматривается как важный ориентир. Тогда как на практике такое сложно осуществить, поскольку ему будет постоянно сопутствовать неопределенность. В этом и заключается основная трудность интегративных процессов в современной науке.

Интеграция несет в себе максимально глобальный характер для научного познания, обуславливает его вхождение в различные системы знаний. Все это размывает границы между дисциплинами научного знания (но не стирает окончательно). Размывание границ происходит на уровне, где осуществляется интегративный процесс (в контексте, в который включен набор участвующих в познании дисциплин и объединенное знание, ради которого и привлекается определенный набор дисциплин). Новый контекст сами дисциплины не поглощает, они сохраняют свою самодостаточность, только в новом контексте обнаруживают новые возможности, которые меняют прежние контуры их границ. Например, появление такой науки, как геномика (наука о геноме и о том, как

реализация информации, содержащейся в геноме, приводит в итоге к взрослому организму, к человеку), привело к открытию многих возможностей, которые имеют значение вне собственно сферы генома человека. Как пишет Л.Л. Киселев, «геномика дала нам в руки поразительную новую возможность, прежде никогда не существовавшую в науке. Сейчас мы можем практически со стопроцентной надежностью установить, что эта женщина действительно мать данного ребенка, а мужчина действительно его отец и, наконец, что данный ребенок действительно имеет в качестве родителей этих женщину и мужчину» [7, 7]. Существует еще больший перечень возможностей использования данных геномики в археологии, палеологии, этнологии, лингвистике и т.д. Этот целостный контекст интегрированных знаний указанных дисциплин «растворяет» принципиальное различие между ними, делая эти различия более неопределенными.

В то же время этот пример показывает, что интеграция научных знаний вызвана социальными потребностями, которые предполагают применение научных знаний для решения социальных и других проблем, также необходимостью обратной связи социальных практик с научными знаниями. Однако следует уточнить, что такого рода интегративные процессы носят глобальный характер в силу того, что они восстанавливают целостность очень больших систем знания. Поэтому целостность как цель интеграции здесь выглядит более «размытой», более неопределенной.

Нельзя сказать, что сама наука не осуществляет интегративные процессы внутри себя, что у нее нет такой потребности. Интегративные процессы идут и внутри самой науки, но их цель – целостность и единство научного знания – представляется сложнореализуемой. Это вызвано, во-первых, тем, что сама наука обнаружила наличие разных видов реальностей, не сводимых друг к другу. Во-вторых, наука функционирует в системе различных социокультурных оснований, что предполагает ее погруженность в систему жизнедеятельности человека и общества, а значит, невозможность выявления основания для интеграции в рамках самой науки. Поэтому локальные интегративные процессы (процессы внутри научного знания) все же вызваны социокультурными потребностями видеть научное знание единым в процессе его дифференциации.

Это можно наблюдать при обращении к причинам дифференциации научного знания. Почему в науке идут процессы дифференциации? Они идут по причине того, что объект (объекты) научного познания подвергается дифференциации, разделению. Выделение нового объекта либо выделение какой-то новой структурной составляющей старого объекта приводит к появлению новой дисциплины. Почему же тогда интегративный процесс не обусловлен аналогичными причинами? Он ими не

обусловлен по причине того, что наука в смысле единства научного знания – это идея, которая приписывается науке извне, а не порождена самой наукой. Об этом, кстати, четко говорил А.Л. Никифоров: «Единство человеческого познания в разные эпохи обеспечивалось мифом, религией или философией. Это единство никогда не было единством науки» [3, 275]. Поэтому он и отрицает то, что для науки характерны интегративные процессы.

Но автор уже подчеркнул, что он не рассматривает науку как автономную и замкнутую систему, хотя даже в таком случае автономность и замкнутость науки будут выражать ее единство, то единство, которое приписывается науке извне, а не проистекает из нее самой.

Так почему же именно в современную эпоху актуализируются интегративные процессы в научном познании? Как уже говорилось выше, интегративные процессы обусловлены социальными потребностями, социокультурными основаниями, ориентированными на то, чтобы привлечь науку (научные знания) для решения проблем в любой возможной сфере жизнедеятельности человека и общества. Такого рода задачи приводят к формированию очень сложных объектов, настолько сложных, что усилий какой-то одной научной дисциплины становится недостаточно; требуется привлечение большого количества наук.

Сложность объекта предполагает такую структуру, в которой представлены разные виды реальности, разные уровни структурного устройства, разные аспекты функционирования этого объекта. Изучать такой объект посредством его дифференциации, посредством редукционизма (сведения целого к частям) – это значит упрощать представления о нем. Подобное приведет к тому, что объект не будет изучен в том состоянии, в котором он предстал научному познанию. Поэтому только лишь интеграция научных знаний может позволить изучать сложные объекты, где каждая дисциплина, сохраняя свою специфику, представляет в знании соответствующую часть исследуемого объекта. Но в том и заключается трудность, что необходимо соединить эти знания, сформировать из них определенное единство. И здесь следует признать, что самостоятельно наука это сделать не может, поскольку объект она изучает через механизм дифференциации. Причем отказаться от дифференциации нельзя, так как наука перестанет быть сама собой. Это, кстати, лишний раз подтверждает тезис, что интегративные процессы вызваны социокультурными факторами.

Интегративность полученных научных знаний реализуется через метод познания, когда получаемые знания формируют не по принципу суммирования описаний различных частей объекта, а когда эти знания формируют по принципу привлечения знаний о целом и знаний о частях. Это означает, что проведение дисциплинарного исследования

должно учитывать узкий контекст его осуществления, следовательно, оценка результатов такого исследования должна быть в итоге поставлена под вопрос, проблематизирована. Любое получаемое конкретно-научное знание должно расцениваться как знание в контексте, где остается много неопределенного. Такой алгоритм познавательных действий Е.Н. Князева представила следующим образом: «Думай глобально, чтобы успешно решить свою частную и локальную проблему!» [8, 31]. Иными словами, ограничиваться решением проблемы в масштабах частной дисциплины уже нельзя, необходимо думать как это решение может повлиять на различные аспекты знания человека и общества, на их функционирование.

Иначе говоря, интеграция в современном научном познании предполагает такое соотнесение знания, которое будет способствовать их проблематизации. Интеграция знаний – это ответ на столкновение науки, человека, общества и т.д. со сложными и глобальными проблемами. Проблема, особенности современного понимания ее масштабов – вот что обуславливает необходимость интеграции. Интеграция носит проблемно-ориентированный характер, когда для решения проблем используются знания различных наук и не только наук.

Рассмотрение проблемы как такого начала познания, которое помимо сугубо познавательных задач решает еще и интегративную задачу, очень значимо для современной философии науки, да и для понимания особенностей современного научного познания. Во многом здесь речь идет о новом образе науки, научности, где проблемная основа играет определяющую роль. Особенно в плане интегративной функции познания, без которой сегодня перспективу развития науки просто нельзя представить.

Это очень важно для науки еще и с той точки зрения, что ее разновидности (естествознание и гуманитарные науки) перестают рассматриваться как соперничающие модели, а понимаются как взаимодополняющие начала. Так, в частности, В.Е. Кемеров выделяет три парадигмы науки, определяющие характер разделения и связи ее дисциплин, а главное характер интеграции знаний в этих парадигмах. Это парадигмы: философская, научная, проблемная. В первой парадигме философия выступает основой объединения наук, во второй парадигме главное не объединение, а разделение наук (разделение по принципу простого разделения труда), а в третьей парадигме научные дисциплины объединяются на основе повседневных проблем. Интеграция выступает как следствие привлечения науки для решения проблем повседневности. «Проблема личности не есть только психологическая проблема, проблема вещи не есть только экономическая проблема, проблема социальных связей не есть только социологическая проблема. Это проблемы людей, которые хотят

каким-то образом свои действия связать, личность сохранить, вещь заставить себе служить и т.д.» [9, 7].

Интеграция, основанная на ориентации на решение сложных и глобальных проблем, предполагает иную методологию познания, где дифференциация посредством редукционизма если и применяется, то только лишь как вспомогательное познавательное действие. Это лишь одно из методологических средств, сочетающееся с антиредукционистской исследовательской стратегией, чья сущность заключается в постоянной ориентации на осознание глобальности и сложности стоящих проблем. Как пишет В.Е. Кемеров, «эта методология, не отрицающая общее, но отдающее предпочтение конкретно-общему перед абстрактно-общим, содержательно-общему перед объемно-общим» [9, 8].

Таким образом, хочется подвести следующие итоги. Интеграция представляет собой восполнение, восстановление, целое. Она определяется особенностями понимания целостности, тем, в рамках какой системы идет этот процесс восстановления целостности. Интеграция – разноплановый процесс, который может быть вызван как причинами внутри самой науки, так и причинами ненаучного характера. Поэтому важно уточнить, что сегодня интеграция в научном познании обусловлена потребностями социокультурных практик, потребностями человека использовать возможности научного познания для решения повседневных проблем, которые обязательно нужно связывать с проблемами социального и культурного планов. Именно связь науки с практиками человека и общества побуждает к активизации интегративные процессы в научном познании. Но поскольку природа современных интегративных процессов лежит вне сферы науки, то в самой науке интегративные процессы осуществляются через реализацию новой методологической основы (антиредукционизм), чья сущность выражается в ориентации научного познания на решение глобальных и сложных проблем. Последние и выступают основой, на базе которой осуществляются

интегративные процессы. Можно констатировать, что проблемно-ориентированные исследования – это новый тип исследований, выражающий интегративные процессы в качестве одних из ведущих процессов, в рамках которых реализуется развитие научного знания и познания.

Литература

1. Лутай В.С., Костюк Н.Т., Белогуб В.Д. и др. Интеграция современного научного знания: методологический анализ. – Киев, 1984.
2. Чепиков М.Г. Интеграция науки (философский очерк). – М., 1981.
3. Никифоров А.Л. Философия науки: История и методология. – М., 1998.
4. Абрамова Н.Т. Монистическая тенденция развития знания // Вопросы философии. – 1982. – № 9. – С. 81 – 89.
5. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
6. Веряскина В.П. Специфика интеграции наук о человеке и новое мировидение // Актуальные проблемы философии науки. – М., 2007. – С. 291 – 300.
7. Киселев Л.Л. От редукционизма к интегративизму // Человек. – 2003. – №4. – С. 5 – 11.
8. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. – М., 2004. – С. 29 – 48.
9. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2004. – №7. – С. 3 – 39.

Literature

1. Lutay V.S., Kostyuk N.T., Belogub V.D. etc. Integration of modern scientific knowledge: the methodological analysis. – Kiev, 1984.
2. Chepikov M.G. Integration of a science (a philosophical sketch). – M., 1981.
3. Nikiforov A.L. Philosophy of a science: history and methodology. – M., 1998.
4. Abramova N.G. Monistic the tendency of development of knowledge // Voprosy filosofii. – 1982. – № 9. – P. 81 – 89.
5. The philosophical encyclopedic dictionary. – M., 1983.
6. Veryaskina V.P. Specific of integration of sciences about the person and new worldview // Actual problems of philosophy of a science. – M., 2007. – P. 291-300.
7. Kiselev L.L. From reductionism to integrativism // Lichnost'. – 2003. – № 4. – P. 5-11.
8. Knyazeva E.N. Transdisciplinary cognitive strategy in a science of the future // The Call to knowledge: Strategy of development of a science in the modern world. – M., 2004. – P. 29 – 48.
9. Philosophy and integration of modern social-humanitarian knowledge (materials of round table) // Voprosy filosofii. – 2004. – № 7. – P. 3-39.

Сведения об авторе

Ардашкин Игорь Борисович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии гуманитарного факультета Томского политехнического университета, г. Томск, e-mail: ibardashkin@mail.ru.

Data on author

Ardashkin Igor' Borisovich - cand. of philosophy sci., senior lecturer of Philosophy department of Humanitarian faculty of Tomsk polytechnical university, Tomsk, e-mail: ibardashkin@mail.ru.

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Статья посвящена анализу возникновения и развития современной науки на основе интерпретации проблемы бытия, в том его понимании, которое выкристаллизовалось еще в эпоху схоластики. Идеинные расхождения между реализмом и номинализмом, давно переставшие быть исключительно теологической проблемой, позволяют по-новому взглянуть на методологию научного познания.

Ключевые слова: бытие, реализм, культура, индукция, дедукция.

S.G. Ivanov

WORLDOUTLOOK BASES OF THE SCIENTIFIC COGNITION

The article is devoted to the analysis of the origin and developments of the modern science on the base of the interpreting the existence's problem, of existence in that its understanding, which was formed as far back as in epoch scholasticism. Ideological divergences between realism and nominalism, for a long time ceased to be exclusively a theological problem, allow to look in a new fashion on methodology of the scientific cognition.

Key words: being, realism, culture, induction, deduction.

Для человека, пытающегося понять историю науки, важна не только описательная ее часть, но и выяснение идейных предпосылок. Между тем очевидная методологическая слабость большинства интерпретаций на тему возникновения и развития научного знания проявляется, прежде всего, в их бессистемности и оторванности от истоков. По сути, за нагромождением имен, дат и концепций в большинстве учебных пособий и книг по философии при рассмотрении этого вопроса скрывается отсутствие не только какой-либо упорядоченности, но и элементарной привязки к первопричине. Познание уподобляется линейному процессу накопления данных и гениальных открытий Нового времени, вылившемуся в бунт Разума против предрассудков Веры, истины против заблуждения. Подобные трактовки фактически разделили религиозность Средних веков и европейскую науку незримой мировоззренческой пропастью, противопоставив при этом друг другу различные формы освоения одной и той же действительности.

Между тем задачей философии является не констатация, а именно объяснение явления. Наука в этом смысле не составляет исключения. Она — ни в рациональной, ни в эмпирической своих составляющих — не могла появиться внезапно, подобно вспышке молнии из тьмы религиозного «мракобесия». Никакая старая концепция не отвергается до тех пор, пока новая и альтернативная ей концепция не выявит все имеющиеся трудности и противоречия. Не было в первоначальных попытках научного осмысления мира и прозаического ответа на «потребности» социума. Это уже потом потребность действительно стала главным фактором развития науки. Однако в начале пути как самой науке, так и потребностям должно было предшествовать нечто их обусловившее. Следовательно, все должно свестись к выяснению этого

«нечто» и выведению из него основных методологических принципов познавательной структуры.

Как известно, главной проблемой средневековой схоластики являлось толкование общих понятий — «универсалий». В споре о том, существуют ли они объективно, независимо от нашего ума и конкретных вещей или обусловлены ими, вычленились два главных направления мысли — реализм и номинализм.

По мнению автора, в этом делении заключен смысловой стержень всей постсредневековой европейской культуры, способный служить надежным классификатором как общей ее направленности, так и отдельных проявлений. Для этого нужно лишь абстрагироваться от первоначального сугубо религиозного смысла. Иначе говоря, рассматривать отношение к «общим понятиям» следует как условный разграничитель тенденций, посредством которого философский реализм поставил вопрос об Истине, разрешение же этого вопроса взял на себя номинализм. Таким образом, речь идет о проявлении двух крайностей, являвшихся в некотором смысле противоположными аспектами одного и того же.

Философской платформой реализма выступал платонизм. Его условная формула сводилась к тезису «*universalia sunt ante res*» (всеобщее *прежде* вещи). Иначе говоря, бытие конкретного материального предмета определялось его прообразом (сущностью, идеей, понятием, воспринимаемыми, однако, как реально существующий идеальный предмет), что с необходимостью ставило вопрос о смысле предмета и в конечном итоге уводило рассуждение от непосредственной чувственности к метафизической проблематике. Напротив, ориентированный в большей мере на Аристотеля номинализм выводил понятие из вещи — «*universalia post res*» (всеобщее *после* вещи). Это означало, что понятие не имеет самостоятельного существова-